

DOI: 10.18721/JHSS.8406

УДК 930.85+008.2

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ ТЕХНОГЕННЫХ УГРОЗ

И.В. Аладышкин, С.В. Ефремов

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрены категориальные основания проблемы безопасности современного общества, и в первую очередь ключевых понятий «безопасность», «опасность», «угроза» и «риск». Проанализированы причины и обстоятельства, в которых в отечественной историографии складывалась ситуация предельной неоднозначности и противоречивости трактовок опорных понятий вопросов безопасности. Особое внимание уделено ключевым историческим этапам трансформации представлений об опасностях и угрозах с возрастающей в них ролью техногенных измерений. На основе проведенного исследования авторами статьи предложен обобщающий вариант понимания дефиниции «безопасности» с определением условий ее использования. Они приходят к выводу о том, что мир отнюдь не стал безопаснее и что разветвленные и многоуровневые системы безопасности являются лишь следствием приумножения угроз и опасностей, порожденных социокультурными трансформациями прошлого столетия. В то же время идентификация качественно новых параметров технической действительности и тенденций ее дальнейшего развития в соотношении с окружающей средой и человеком должны вести к становлению таких исследовательских направлений, которые отвечали бы современным вариантам их восприятия.

Ключевые слова: опасность; техногенная угроза; риск; безопасность; техническая действительность

Ссылка при цитировании: Аладышкин И.В., Ефремов С.В. Проблемы безопасности в современном мире техногенных угроз // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 56–67. DOI: 10.18721/JHSS.8406

SECURITY PROBLEMS IN THE MODERN WORLD OF MAN-MADE THREATS

I.V. Aladyshkin, S.V. Efremov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article deals with the categorial foundations for the problem of safety of the modern society and, in the first place, with the key concepts: 'safety', 'danger', 'threat' and 'risk'. We have analyzed the reasons and circumstances in which the basic concepts of safety have become extremely ambiguous and have gained contradictory interpretations in Russian historiography. Particular attention is paid to the key historical stages of transformation of the notions of dangers and threats with the growing role of technological dimensions in them. Based on the study, we suggest a generalized understanding of 'safety', defining the conditions for using the concept. It is concluded that the world has by no means

become safer, that branched and multi-level security systems are only a consequence of multiplying threats and dangers posed by the social and cultural transformations of the past century. At the same time, the identification of qualitatively new parameters of technological reality and trends of its further development in relation to the environment and mankind should lead to the formation of the research directions that would correspond to modern variants of their perception.

Keywords: danger; technological threat; risk; safety; technological reality

Citation: I.V. Aladyshkin, S.V. Efremov, Security problems in the modern world of man-made threats, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 56–67. DOI: 10.18721/JHSS.8406

Введение

Исторически широко известная и вполне тривиальная мысль о принципиальной противоречивости технико-технологического развития к исходу прошлого столетия превратилась в своего рода непреложный факт, не подлежащий сомнению. Редкий исследователь не приходит сегодня к соответствующим выводам, рассматривая технико-технологические процессы в социоприродном контексте. С одной стороны, техника позволяет человеку решать широкий круг проблем и задач, обеспечивает благосостояние населения и выступает, по сути, основанием современного общества. С другой стороны, с развитием техники количество проблем и нерешенных задач, подтачивающих основы этого общества, только увеличивается вместе с числом техногенных угроз и опасностей.

Лейтмотивом работы немецкого социолога У. Бека «Общество риска. На пути к другому модерну», ставшей классическим трудом в «рискологии», служило как раз убеждение в том, что в обществах позднего или высокого модернизма присущие им технико-технологические системы социально-экономических отношений отличаются систематическим воспроизводством угроз, опасностей и рисков [1]. Складывается впечатление дурной бесконечности, когда технологии, призванные разрешать те или иные проблемы, при их разрешении рожают новые проблемы, которые призваны устранять новые же технологии, и так без конца в круговороте технологий и проблем. Между тем подобное, крайне упрощенное, описание не учитывает присущих обозначенному круговороту тенденций к ускорению, расширению и усложнению как технологий, так и связанных с ними проблем.

Актуализация проблем безопасности в сложившихся условиях не вызывает удивления. В последние десятилетия закономерно росло количество исследований в данной области, что привело к определенной «научной моде», вносящей свои, далеко не всегда положительные, коррективы в научное пространство. К сожалению, пока количество не определяет качество исследований, что особенно заметно в отечественном интеллектуальном пространстве. Вне утилитарных установок прошлого (прежде всего советского прошлого с преобладанием прикладной конкретики охраны труда, пожарной, гражданской и других безопасностей, заканчивая государственной) изучению теории безопасности и серьезной ее историко-философской рефлексии уделялось незначительное внимание. Например, далек от решения один из главных вопросов данной сферы научного пространства: что же есть опасность/безопасность и что понимать под угрозами и рисками? Впрочем, проблемам категориальных оснований, терминологии, этимологии и генезиса соответствующих понятий посвящается всё больше статей, в последние годы усилился интерес и к западным категориальным параметрам вопросов безопасности [2–4 и др.].

Постановка проблемы и цели исследования

Всплеск интереса к природе феномена безопасности во всем многообразии его проявлений пришелся на сложный для отечественной науки период. Пересмотр прежних постулатов, освоение западных наработок и качественное обновление теории в постсоветском интеллектуальном пространстве — всё это оказалось скоропостижным и в известной мере хаотич-

ным. Последнее неизбежно влекло за собой некоторое снижение научного уровня изучения как частных нюансов, так и общей теории безопасности.

Конечно, недоработанность является закономерным этапом становления любой теории. Следует учитывать также, что теория безопасности как область исследований – разноуровневая конструкция, предназначенная для отражения в понятиях неоднородных «пластов» действительности. Однако бесчисленные за последние десятилетия попытки вписать ее в современный социокультурный контекст за счет «обогащения» разнородными, якобы отвечающими текущим реалиям, концептуальными ингредиентами без прочного теоретико-методологического фундамента обернулись лишь бессистемностью и сумятицей. Неуклонно расширяющийся круг вопросов по безопасности лишился единого понимания объекта изучения, а соответственно и прочной методологической базы исследований и управленческих документов доктринального статуса, в адрес которых слышны сплошные упреки в невыверенности понятийного аппарата и «разночтении многих основополагающих терминов».

В отечественном техноведении для термина «безопасность» до сих пор не выработано четкого и строгого определения. Безопасность рассматривается то как цель, то как концепция или научная программа. Мало того, в конкретных областях технической мысли в разрешении вопросов безопасности имеют дело с набором различных проблем и с различными историческими и философскими контекстами. Цель настоящего исследования видится в попытке ответить на вопрос: как следует понимать безопасность, чтобы использовать ее в качестве опорной категории? Не менее важным представляется и вопрос о том, какую роль в современном обществе играют различные содержательные характеристики терминов «опасность» и «угроза»?

Методология

Схожая ситуация сложилась и в методологии исследований рассматриваемой научной области, где законодательная практика в известной степени опережает науку. По крайней мере, для значительной части исследователей в интерпретации безопасности чуть ли не по-

следней инстанцией долгое время являлся федеральный закон «О безопасности» в редакции 1992 г., в котором безопасность предстает состоянием «защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [См.: 5, с. 193]. Не говоря уже о том, что законодательная практика отнюдь не является методологическим основанием для теоретической работы, скорее наоборот, приведенное, весьма аморфное, определение безопасности апеллирует чуть ли не ко всем мыслимым угрозам. Тем более «интересы личности, общества и государства» в силу субъективности и чрезвычайной изменчивости не могут быть определены с требуемой для юридической практики точностью, поэтому выстраиваемые на основании данного закона интерпретации, как правило, далеки от «работающих» дефиниций.

В результате отличительной особенностью многих современных исследований остается так называемое «допредметное» состояние целого ряда ключевых понятий и определений. Неопределенность и многозначность их содержания и объема, остатки узкоутилитарного подхода способствуют актуализации в относительно рационализированном виде расхожих представлений обыденного порядка с известной долей идеологизированности, морализаторства и мифотворчества. Нередко содержание безопасности заменено ссылками на толковые словари «живого языка» Даля, Ожегова и др., громоздкими схемами и таблицами или же перечнями разновидностей безопасности (а насчитывается их уже не один десяток) с внушительными списками угроз, в хитросплетениях которых окончательно теряется содержание основополагающей категории.

Складывается впечатление, что рассматриваемой области научных изысканий недостает как минимум конкретики и унификации категориальных оснований проводимых исследований. Представляется, что существенным подспорьем необходимой категориальной конкретизации может послужить эвристический потенциал интеллектуальной истории и истории понятий с сопутствующим набором лингвистических, социально-психологических методов или методов семиотики. В целом наработки последних лет в области неклассической эпистемологии и лингвистической аналитики,

которые также использовались в проводимом исследовании, удачно согласуются с изучением содержательных, контекстуальных аспектов интерпретации терминов вопросов безопасности и той роли, которую они играют в современном техногенном обществе.

Результаты исследования

Утверждение амбивалентности технико-технологического развития сопровождалось признанием очевидной насущности если не системы управления технической действительностью (надежды на полноправный контроль и управление давно в прошлом), то хотя бы осмысленных, корректирующих и направляющих воздействий на нее. В любом случае констатировалась ситуация, когда масштаб технико-технологических процессов делает их неконтролируемой опасной, не говоря уже о глубинных техногенных изменениях окружающего мира, грозящих потерей социоприродного равновесия [6]. В то же время ограниченность необходимых для технологической переработки естественных ресурсов ведет к неизбежным ограничениям и качественным, но пока слабо различаемым трансформациям как технико-технологических, так и зависимых от них социокультурных систем. Подобные нюансы технического праксиса, во всеуслышание заявившие о себе во второй половине прошлого столетия, вызвали всё больше опасений [7] и с небывалой остротой утверждали необходимость своевременного и как можно более полного предвидения совокупности влияния техники на общество, человека и природу. Что только не предрекали обществу и миру в целом на исходе прошлого тысячелетия!

Однако со временем относительность средне- и долгосрочных прогнозов становилась очевидной, а многочисленные исследования только подтверждали, что точность прогностики в отношении технических систем невелика, особенно в условиях аккумулятивного характера усложнения технической организации, изменяющего законы самого развития и ускоряющего его темпы. Подчас поражающая эффективность и популярность прогнозов лишний раз указывают на то, что зависят они не столько от степени совпадения с искомым будущим, сколько от адекватности представлениям о нем, доминирующим на момент прогнозирования. Про-

гнозы адресуются человеку настоящего, а для человека будущего они важны совершенно в ином качестве, подобно тому, как сегодня вызывают некоторый интерес предсказания прошлых столетий. Те или иные прогнозы потому и правдоподобны, что укладываются в систему представлений о будущем современного человека, они придают ему уверенности (пусть даже в ожидании худшего), служат подспорьем в его деятельности и оправданием тех или иных форм технической активности.

К сожалению, ни предвидеть, ни представить, что будет через какой-то промежуток времени, пока невозможно. Техника влечет за собой всё больше именно непредвиденных последствий, «внешних» факторов, которые нельзя ни прогнозировать, ни контролировать. Именно это и вызывало всё больше беспокойства, подогреваемого осознанием степени технико-технологической зависимости современного общества [8]. Чем более прогрессирует техника, тем больше она создает противоречий, препятствий, несовершенств: загрязнение окружающей среды, истощение невозобновляемых ресурсов, глобализация потенциальных опасностей, мгновенность мощнейших разрушений... Перечислять можно долго. Непрерывная интенсификация и расширение масштабов хозяйственной деятельности человека, сопровождаемые неуправляемым ростом производства и нарушением экологического равновесия, грозили и по-прежнему грозят невиданными техногенными коллизиями.

Увеличивающееся число стихийных бедствий, аварий и катастроф с многочисленными человеческими жертвами, огромными материальными потерями и нарушениями условий жизнедеятельности поддерживало в конце прошлого столетия возраставший алармизм и феномен «великого страха» в открывавшемся мире опасностей и угроз. Однако опасности и угрозы всегда сопутствовали жизнедеятельности человека и неотступно сопровождали развитие общества. Им давали различные имена и названия, они персонифицировались или отождествлялись с конкретными явлениями окружающего мира, но всё же их объединяло то, что они вынуждали задумываться и принимать конкретные меры по безопасности рода, семьи, человека, их прав и собственности, охране социальных институтов и правопорядка, а в

конце концов и по безопасности окружающего мира. Будучи по сути своей вечными вопросами, вряд ли предполагающими окончательное разрешение, вопросы безопасности приобрели в современном обществе иные масштабы и иной социальный статус.

В условиях становления глобального коммуникационного пространства часть опасностей и угроз «высвободились» из локальных контекстов с определенной пространственно-временной привязкой и приобрели мировой масштаб, угрожая не отдельным индивидам, социальным группам, а нациям, населению государств и мира в целом [9, с. 19–20]. Изменения заключаются не просто в увеличении количества и масштабов опасностей, а прежде всего в смене позитивной логики общественного развития на негативную. Мышление в понятиях опасности, угроз и риска превратилось в свойство и экспертного, и массового сознания. Логика непрерывного обновления, лежащая в основе современной культуры, беспрерывно воспроизводит всё новые опасности, причем производство это вполне легитимное, включенное в экономику, политику и осуществляемое во всех сферах жизнедеятельности общества. Общество осознает себя в соответствующих категориях, при этом признается, что опасностями чревата любая ситуация, а бездействие также рискованно, как и инновационное действие. Будущее и настоящее сравнивались в том, что они всё чаще переживаются в форме риска, осознанной возможности угроз и опасностей [10, 11].

Однако гипертрофированный катастрофизм в новом тысячелетии заметно ослаб. В условиях торжества презентизма наметился своеобразный поворот от переживания о будущем к заботе о настоящем, от прогнозов угроз грядущего к наличным проблемам и конкретным мерам по их разрешению, которые в конечном итоге предлагаются в качестве предупреждающих мер. Прежние прогнозы и сформулированные ими угрозы утратили свою остроту, к ним привыкли, потребовались новые ориентиры, чтобы регулировать настроения общественности. Исследователи не заставили себя ждать, и в последние десятилетия наблюдается своеобразная рокировка научных приоритетов: на первый план вышли вопросы текущей безопасности, заметно потеснившие во многом самодостаточное смакование грядущих несчастий и катастроф.

Угрозы, опасности и, как следствие, проблемы безопасности, давно превратившись в институализированную составляющую жизни общества, в современных условиях приняли статус универсальных социальных и соответственно личностных характеристик [12]. Современное общество – своеобразный заложник порожденных им угроз и опасностей, заложник, который печется не столько о процветании, сколько о сохранении. Причем это сохранение чисто техническое (техника безопасности, технологии защиты, опека технических систем и т. д.), да и ведет оно лишь к дальнейшему наращиванию технико-технологического потенциала. Ведь бóльшая часть опасностей, как и перспективы их преодоления, так или иначе связаны с технико-технологическими составляющими современного общества. Так что же понимают под технико-технологической безопасностью или, согласно принятому в отечественном научном пространстве обороту, техносферной безопасностью?

Под безопасностью часто понимают, в согласии с официальными установками, некую «защищенность» потребностей или интересов личности, общества и государства, произвольно дополняемых соотносимыми с ними техническими процессами, различными элементами технической инфраструктуры и окружающей среды. Определение безопасности, обыгрывающее защищенность, сводится к состоянию любого объекта, в котором ему не угрожает опасность [13, с. 95]. Однако мыслима ли абсолютная защищенность, как и полное отсутствие опасностей? Соответственно определение на проверку апеллирует к некоей идеальной ситуации, в которой безопасность выступает как желательная, но недостижимая цель.

Против подобной интерпретации выступают исследователи, придерживающиеся деятельностного подхода и склонные видеть в безопасности не состояние защищенности, полагая, что она вообще не есть чье бы то ни было состояние. Безопасность представляется ими в качестве деятельности или своеобразного ее аспекта [14]. Обеспечение безопасности выступает активностью ее субъекта (личности, социальных институтов, государства и т. д.) во внешней среде с целью самосохранения посредством целесообразной адаптации к ее условиям или целесообразного ее изменения

и преобразования. Иными словами, обеспечение безопасности оказывается созданием благоприятных условий, т. е. таких условий, которые субъект в состоянии контролировать в процессе своей деятельности. Если безопасность есть определенный, соотносимый с конкретным субъектом, в конкретном времени и месте набор условий, тогда встает вопрос о критериях безопасности тех или иных условий и принципов соотнесения.

Всё же следует признать, что термин «безопасность» выстраивается на представлениях об опасностях, но в их отношении действуют те же силы неопределенности и многозначности. С одной стороны, под опасностью часто понимают потенциальную возможность возникновения процессов или явлений, способных вызывать поражение людей, наносить материальный ущерб и разрушительно воздействовать на окружающую атмосферу. С другой стороны, в опасности видят угрожающее событие, вероятность возникновения потенциально разрушительных явлений или же ситуацию, процесс, свойство, состояние окружающей среды, при котором это оказывается возможным. В результате остается только недоумевать, что же такое опасность – состояние, ситуация, свойство или событие? Более широкие определения опасности вносят еще больше неопределенности. Предлагая, например, считать опасность «негативным свойством живой и неживой материи, способным причинять ущерб самой материи: людям, природной среде, материальным ценностям», такие определения по сути предлагают видеть в ней любые проявления живой и неживой материи.

В любом случае понятие опасности таит не меньше противоречий и вряд ли внесет ясность в вопросы безопасности. Насколько вообще оправданно надеяться на формулировку универсальных определений столь сложных и многозначных категорий, как «опасность»/«безопасность», которые непротиворечивым образом объясняли бы все случаи их употребления применимо и к производственным процессам, и к космическим полетам, и к личности, ее здоровью, состоянию, правам, свободам, и к многообразию окружающей среды? Конечно, универсальных определений ждать не стоит, но возможность частичного примирения различных точек зрения вполне реальна.

Феномен безопасности, как и опасности, дуален, так как предопределен принципами самосохранения и особенностями форм их проявления в человеческой жизнедеятельности. Пытаясь в определениях подобных категорий дать некие объективные и универсальные характеристики, нередко забывают одну существенную деталь – социокультурную природу безопасности, как и самих опасностей, рисков и угроз. В этом плане аналитические модели отечественных исследователей подчас разительно отличаются от исследовательских практик западных коллег. Иллюстративным примером могут служить британские авторы, склонные к поиску не объективных и непреложных характеристик опасности, рисков и угроз, а скорее социокультурных параметров последних. Так, по мнению известного британского исследователя М. Дуглас, изучение опасности и риска бесполезно без учета культурологических особенностей общества [15], а Э. Гидденс к этому условию добавил бы еще и конкретную «социальную среду» [11].

Представления об опасностях и возможной ситуации/состояния их отсутствия имеют свое начало, и этим началом выступает человек. Вместе с ним они появились на свет, и эволюция опасностей и защиты от них задана социальной и культурной динамикой, характером развития общества. Те или иные процессы могут быть сколь угодно разрушительными, определенные ситуации и возможности могут таить любые деструктивные силы, но вне их фиксации в качестве опасных процессов, ситуаций и возможностей опасностями, угрозами и рисками они не станут. Имеет ли место опасность вне ее фиксации? Может ли идти речь о безопасности вне ее артикуляции? Человек попросту не способен столкнуться с опасностью вне своих представлений о ней, люди могут быть окружены со всех сторон разрушительными для них силами, сами быть таковыми по отношению друг к другу, но именно опасности в них они не распознают.

Определения же опасностям, как правило, дают с точки зрения конечного результата, будто они не поддаются причинному объяснению и не нуждаются в нем, тогда как содержание понятия опасности обусловлено в первую очередь конкретным носителем содержания и его социокультурной средой, а не произвольными «внешними», «независимыми» от сознания па-

раметрами (что полагаются тем же сознанием). Причем социокультурная природа опасности примиряет и объясняет все мыслимые ее облики (состояния, процесса, ситуации, возможности и т. д.), позволяя не впадать в сомнительные разграничения объективной (данных вне представления человека, определенных социальных институтов, общества) и субъективной безопасности (представлений субъекта о совокупности условий как безопасных, в действительности могущих такими и не являться).

Безопасность связана прежде всего с носителем данной категории (отдельный человек, группа людей, социальные институты и практики) и его представлениями о себе и окружающем мире. И не столь важно, что оказывается объектом безопасности — права личности, государственное имущество, окружающая среда, производственные процессы или же тривиальная безопасность дорожного движения. В любом случае безопасность будет деятельностью и достигаемыми результатами (ситуацией, состоянием, условиями) в выявлении, предупреждении, ослаблении, устранении (ликвидации) и отражении того, что принимается как опасность, угроза или же неприемлемые риски на основе культуры компромисса по поводу благополучия. В данном случае компромиссом оказываются как общепринятые нормы, так и индивидуальные предпочтения, как официальные документы и государственные организации, так и частные усилия. Все они тесно взаимосвязаны и предстают своего рода взаимными уступками, а следовательно, они компромиссны.

Забота о собственной безопасности и безопасности близких на протяжении всей истории человечества была краеугольной и неотъемлемой составляющей жизни человека. Забота о собственной безопасности на всех уровнях неизменно оказывалась среди ключевых приоритетов существования любого социального организма, будь то первично-родовые коллективы или же сложные формы современных государственных образований. Извечная, ревностная забота и не дает избавиться такие категории, как «опасность», «угроза», «риск», от социально-психологического «привкуса». И если в отношении категорий избавление все-таки возможно, то сами опасности, угрозы и риски так и останутся уделом специфики восприятия данных, наличных, либо гипотетических усло-

вий. Ведь не избавиться от изменчивости восприятия условий, всегда есть возможность их разночтения: как угрозы, опасности, так и отсутствие таковых.

Социокультурную относительность понятия «безопасность» подтверждает историческая изменчивость мира угроз и опасностей. Эволюция этого мира разворачивается не столько в открытии, сколько в порождении всё новых форм опасностей и противостоянии им. Современная номенклатура опасностей включает в себя свыше 150 наименований (и при этом не считается полной) с десятками классификаций (по источникам происхождения, локализации, последствиям, ущербу, сферам проявления, поражающему фактору и т. п.).

Собственно основные потенциальные источники опасностей остаются неизменными с момента появления на свет человека и зачатков его технического праксиса. Однако история распознавания, фиксации, интерпретации опасностей и борьбы с ними довольно многообразна и таит немало химер, подчас даже теснивших куда более реальные угрозы. В современном мире мало кто всерьез опасается гнева богов, действий черных магов, потусторонних сил, и вместе с тем несколько десятилетий назад наблюдался всплеск интереса к НЛО и связанным с ними иллюзорным угрозам. Если отбросить подобные «несерьезные» примеры и обратиться к серьезной научной сфере, то и там разносортных фантомов окажется немало. Сколько было прогнозов весьма уважаемых специалистов и еще большего числа их уважаемых апологетов, безуспешно предрекавших уже наступившее настоящее, с теми или иными якобы неминуемыми экономическими, военно-политическими или же техногенными параметрами, тех прогнозов, что так и остались далеки от реальности. А ведь все они в зависимости от времени, места, своей убедительности и правдоподобности рождали соответствующие опасения и опасности, все они содержали целый букет угроз, которые на время захватывали умы ученых, политиков, военных, а то и широких слоев населения. Но вопрос не столько даже о порожденных в разные времена химерических опасностях, коих всегда было и будет предостаточно. Вопрос о куда более реальных, и в первую очередь техногенных, опасностях, исторически заверивших свою состоятельность. Они также претерпевали

качественные изменения, играли разные исторические роли, первоначально практически не обращая на себя внимание, а впоследствии оказались на авансцене общественных настроений. Поэтому стоит попробовать выделить как минимум основные исторические этапы возраставшей роли и трансформаций техногенных опасностей согласно приведенной выше их классификации.

При обращении к началу начал, к первобытному миру, зажатому в исходной природной среде, видно, что последняя как раз и представляла тогда наибольшую угрозу. В мире, изобилующем проявлениями разрушительных сил природы, общество с относительно низким развитием инфраструктуры неизбежно пребывает в «естественной» зависимости от изначальных природных уз. В то же время неразрывная связь первобытного человека и в известной степени самоотождествление с окружающей природой лишали его возможности выделить и придать самостоятельное значение этим опасностям. Для аграрного общества с первичными формами производящей экономики и обусловленностью хозяйства «естественными» факторами его развития природные опасности также играли определяющую роль. Со временем общественное развитие стало выдвигать на первый план группу опасностей, связанную с социально-политическими их источниками (вооруженными конфликтами, экономическими, общественно-политическими кризисами и т. д.). Техногенные опасности, формирование которых оправданно отсчитывать с изначального становления технического праксиса человека (т. е. с момента появления самого человека), оставались в тени и долгое время не играли существенной роли. Это связано со многими причинами, но прежде всего с низким уровнем развития и обособления технико-технологических практик в картине окружающего мира, подчиненностью социоприродным порядкам и неустойчивостью технической инфраструктуры, легко разрушаемой социальными, военно-политическими коллизиями, миграционными процессами или же природной стихией.

Приоритеты в идентификации опасностей предопределяли и особенности представлений о безопасности, что в различных своих эквивалентах формируются опять же с появлением человека, изначально поглощенного защитой

от сил окружавшей его природы. Хотя следует согласиться с М.Ю. Зеленковым, отмечавшим, что в глубокой древности понимание человеком безопасности не выходило за рамки обыденного представления и трактовалось им просто как отсутствие для него опасности или зла [16, с. 23]. В таком житейском значении термин «безопасность» употреблялся, например, древнегреческим философом Платоном. В то же время эти представления обесценивались в свете представлений о судьбе и всеобщей предопределенности, о цикличном развитии космоса, общества, человека и культуры, к которым тяготело мифологическое сознание.

Формированию самозначимых представлений о безопасности мешали не только обусловленность бытия естественными началами и доминирование в сознании порядков предстания. Свою роль в этом играли преобладание бессознательной адаптации к окружающей среде при низком уровне развития технического праксиса и оформления социально-политических интересов, давление коллективных порядков при незначительности отдельной человеческой жизни. В результате опасности, меры предупреждения и борьбы с ними не получали какого-либо концептуального выражения, оставаясь имплицитными элементами дискурса, лишены самостоятельного значения в общем контексте жизни человека и общества. К тому же все сферы доиндустриального общества были так или иначе вписаны в господствовавшие тогда формы мифологического и религиозного сознания, которым сопутствовали неотрафелированность, непосредственность и характерный иррационализм.

Предпосылки формирования научного дискурса безопасности с отдельными аналитическими категориями складывались, по сути, одновременно с формированием самой науки. Возможно, одной из первых известных современной науке областей, где наметилась постановка вопросов о безопасности в том ключе, который хоть как-то согласовался с современным комплексом техникосознания, стала античная медицина, обратившаяся к проблемам безопасности труда и здравоохранения, получившим свое дальнейшее развитие уже в Средние века. Основы же общей теории безопасности изначально складывались в социально-политической и экономических науках с частными

дополнениями анализа технико-технологических процессов. По крайней мере, в истории европейского мышления дальнейшее развитие представления о безопасности связано в первую очередь с социально-политическими аспектами (защита политического суверенитета, интересов религиозно-политических институтов и территорий, сословных привилегий, жизни и собственности населения), а также с определенными социально значимыми формами деятельности (ремесла, торговли и т. д.). Хотя в Средние века под безопасностью понимали и спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности. Однако в этом значении термин не вошел прочно в лексику народов Европы и до XVII в. использовался редко [16].

В научных и политических кругах западноевропейских государств широкое распространение понятие «безопасность» получило благодаря работам Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Б. Спинозы и других мыслителей XVII–XVIII вв., означая состояние, ситуацию спокойствия, появляющуюся в результате отсутствия реальной опасности (как физической, так и моральной). Тогда же предпринимались первые попытки теоретической разработки этого понятия. Так, австрийский экономист, государственный и общественный деятель Й. Зонненфельс (1732–1817) считал, что безопасность – это такое состояние, при котором никому нечего опасаться. При этом он выделял личную (частную) и общественную (государства) безопасность. Акценты опять же ставились на те продуцируемые деятельностью самого человека и социальных групп опасности, которые были связаны с социально-политическими аспектами.

Ситуация менялась по мере повышения роли техники и возрастания зависимости от нее ключевых социально-политических процессов, а со временем и состояния окружающей среды. Поступательная урбанизация и рост/усложнение промышленной сферы в Новое время закономерно вели к ускорению развития пожарной безопасности, санитарии и гигиены. Следом в отдельное направление анализа в XVIII–XIX вв. оформилась техника безопасности на производстве (отдельные же, разрозненные ее элементы теряются в глубине веков), получившая широкое распространение в условиях

промышленной революции и форсированного развития промышленной инфраструктуры.

Логика экономического и социально-политического развития с растущими затратами на техническое оснащение производства и иных ключевых сфер жизни общества, образование, рост уровня самосознания и запросов населения требовали качественных изменений государственной политики в области здравоохранения, охраны труда, экономической и правовой безопасности. Всепоглощающий характер индустриализации утверждал одно из доминирующих отныне направлений анализа опасностей – это охрана труда в производственной сфере заодно с усовершенствованием и законодательно-правовой системы обеспечения безопасности имущества, в частности того же производства.

Техника и технологии создавали возможности для наращивания производства и удовлетворения материальных нужд в масштабах, каких человечество еще не знало. По мере углубления промышленного переворота техника пронизывала и подчиняла себе все сферы деятельности, превращаясь в доминирующий фактор развития, и, как следствие, она продуцировала основные проблемы и противоречия этого общества. Новоевропейская индустриальная культура постепенно концентрировалась на проблемах техногенного характера. Расширявшаяся технизация общества и оправдание установок на технико-экономическую результативность преобразования внешнего мира предопределили уже в XX столетии утверждение технико-технологических доминант и в системе безопасности. На это же время пришлось становление развитой системы научных исследований и образования в области безопасности.

Между тем эстафета опасностей в XX в. только ускорялась. Социально-политические коллизии, достигнув к середине века пика своего влияния, в условиях НТР и усиливающегося технопессимизма уступали место техногенным опасностям с осознанием практической беззащитности человечества перед лицом технико-технологической экспансии [17, с. 27–54]. Всё более наглядными становились негативные последствия расширения природохозяйственной деятельности человека, усиливавшие внимание к проблемам экологии, что привело к становлению экологической безопасности в качестве научного и практического направления.

Артикуляция самого представления о техногенном характере развития, растущие сомнения в технико-технологических перспективах и усиливающаяся критика связанной с ними системы ценностей внесли существенные коррективы в принципы разграничения опасностей. Стиралась прежде столь четкая грань между природными источниками опасностей и теми, что порождены деятельностью человека, будь то социально-политические конфликты или же техногенные противоречия. За редким исключением (например, часть космических источников опасностей), в современном мире все опасности оказываются тесно взаимосвязаны. Даже конкретные проявления природной стихии на поверку оказываются сопряжены с деятельностью человека и его влиянием на биосферные процессы.

Заключение

XX столетие ознаменовалось рядом иных качественных изменений, которые коснулись как практики обеспечения безопасности, так и общих параметров ее восприятия. Речь идет, с одной стороны, о становлении международной системы безопасности, а с другой — об упоминаемых изменениях социального статуса опасностей, в частности их глобализации. В последние десятилетия всё чаще ставится вопрос о необходимости выработки концепции глобальной безопасности как системы взглядов, идей, целевых установок, объединенных одним определяющим замыслом ее обеспечения в условиях глобализации техногенных процессов. Сегодня итогом долгой истории проблем безопасности можно считать то, что вместо разрозненных образов и практик она выступает в виде многообразия правовых, законодательных и нормативно-технических порядков, реализуемых широкой сетью институтов и органов локального (государственного, регионального, областного и т. д.) или же международного уровня. Именно они вырабатывают и закрепляют конкретные социально значимые формы и направления разрешения соответствующих вопросов и определяют отношение к ним широких слоев населения. И, видимо, неоднозначность и противоречивость категориальных основ научного изучения проблем безопасности в России отражает, кроме прочего, и соответствующее состояние конкретных

государственных структур, отвечающих как за научное пространство страны, так и за вопросы ее безопасности.

Так стал ли мир безопаснее? Отнюдь. Это признает большинство современных исследователей [18]. Разветвленные и многоуровневые системы безопасности — это лишь следствие приумножения угроз и опасностей, порожденных социокультурными трансформациями прошлого столетия. Сферой опасностей (ноксосферой) занимается уже отдельная наука, оформившаяся в последние десятилетия, — ноксология. И, что примечательно, одним из ключевых ее постулатов выступает фиксация утраты господствующего значения биосферы в населенных людьми регионах, где та замещается техносферой с преобладанием техногенных опасностей.

Вопросы безопасности не случайно превратились в ключевые болевые точки современного сознания, в вопросы, определяющие текущую реальность. Информационная и военная, государственная и промышленная безопасность... Спектр направлений ее обеспечения и анализа всё расширяется — их количество приближается к полусотне и только продолжает расти. Идентификация качественно новых параметров технической действительности и тенденций ее дальнейшего развития в соотношении с окружающей средой и человеком должна вести к становлению тех исследовательских направлений, которые отвечали бы современным вариантам их восприятия. Тогда оформление ноксологии или же техносферной безопасности как новых научных направлений оказывалось бы вполне закономерным. Однако ситуация в отношении изучения угроз, опасностей и рисков, как и связанных с ними разнородных вариантов безопасности, выглядит несколько иначе. Признав историчность представлений о безопасности, ученым следовало бы попытаться выработать адекватные текущей ситуации категориальные измерения безопасности. Но нет. Наоборот, при анализе теоретических проблем безопасности российские исследователи, буквально смакуя все мыслимые недостатки в их изучении, повторяя и приумножая их под новыми вывесками, вновь и вновь сетуют на абстрактность, умозрительность, засилье административных норм и разрастание законодательной сумятицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.
2. Алпеев А.С. Критически важные объекты. Терминология безопасности // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 4 (17). С. 72–76.
3. Гурлев И.В. Этимология и генезис термина «государственная безопасность» // Власть. 2013. № 2. С. 149–152.
4. Зорина Ю.В. Семантическая категоризация англоязычных терминов безопасности жизнедеятельности // Вестн. Иркутского гос. лингв. ун-та. 2012. Т. 1, № 17. С. 41–45.
5. Волович В.Н. К вопросу об экологической безопасности страны // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1. С. 192–196.
6. Моисеев Н.Н. Природный фактор и кризисы цивилизации // Обществ. науки и современность. 1992. № 5. С. 89–91.
7. Кетов Ю.А. Перестройка представлений человечества о роли ноосферы в условиях разрастающейся технизации природы // Вестн. Пермского нац. исслед. политех. ун-та. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 2. С. 88–94.
8. Аладышкин И.В. Между традицией и новацией: о специфике постсоветского техноведения // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. № 4. С. 47–51.
9. Чашин В.Е. Формирование представлений о глобальных проблемах современности в информационном обществе и источники спекуляций на этой теме // Вестн. Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 1 (13). С. 18–25.
10. Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 26–46.
11. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.
12. Рукинов В.А. Общество и безопасность // Изв. РГПУ. 2010. № 124. С. 357–365.
13. Орлова А.В. Эволюция понятия «экономическая безопасность» // Науч. вед. Белгородского гос. ун-та. Экономика. Информатика. 2012. № 19 (138). Вып. 24/1. С. 93–97.
14. Литвинов Э.П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. 2012. № 1. С. 72–73.
15. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об оскверненности и табу / пер. с англ. Р. Громовой, под ред. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. 288 с.
16. Зеленков М.Ю. Правовые основы общей теории безопасности Российского государства в XXI веке. М.: Изд-во Юр. ин-та МИИТа, 2002. 209 с.
17. Ефременко Д.В. Введение в оценку техники. М.: Изд-во МНЭПУ, 2002. 250 с.
18. Матюх Е.Т. Теории «общества риска» в современной гуманитарной науке // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 33–37.

Аладышкин Иван Владимирович

E-mail: i-bez@yandex.ru

Ефремов Сергей Владимирович

E-mail: umk-tb@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.07.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

- [1] U. Bek, [Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society. On the way to another modernity], Progress-Traditsiya, Moscow, 2000.
- [2] A.S. Alpeyev, [Critical objects. Security Terminology], Voprosy kiberbezopasnosti, 4 (17) (2016) 72–76.
- [3] I.V. Gurlev, [The etymology and genesis of the term “state security”], Vlast’, 2 (2013) 149–152.
- [4] Yu.V. Zorina, [Semantic categorization of English terms of health and safety], Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 17 (1) (2012) 41–45.
- [5] V.N. Volovich, [On the issue of environmental security of the country], Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana), 1 (2012) 192–196.
- [6] N.N. Moiseyev, [Natural factors and crises of civilization], Obshchestvennyye nauki i sovremennost’, 5 (1992) 89–91.
- [7] Yu.A. Ketov, [Restructuring concepts of mankind about the role of the noosphere in the conditions of an expanding mechanization of nature], Vestnik Permskogo natsional’nogo issledovatel’skogo politicheskogo universiteta. Kul’tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo, 2 (2016) 88–94.

[8] I.V. Aladyshkin, [Between tradition and innovation: the specifics of post-Soviet technological studies], *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana)*, 4 (2015) 47–51.

[9] V.Ye. Chashchin, [Formation of ideas about global problems of the modern world in the information society and sources of speculation on this topic], *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 1 (13) (2013) 18–25.

[10] G. Bekhman, [Modern society as a risk society], *Voprosy filosofii*, 1 (2007) 26–46.

[11] E. Giddens, [Fate, risk and safety], *THESIS*, 5 (1994) 107–134.

[12] V.A. Rukinov, [Society and Security], *Izvestiya RGPU*, 124 (2010) 357–365.

[13] A.V. Orlova, [Evolution of the concept of “economic security”], *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Informatika*, 19 (138) (2012) 93–97.

[14] E.P. Litvinov, [Philosophical foundations of the concept of security], *Prostranstvo i vremya*, 1 (2012) 72–73.

[15] M. Douglas, *Chistota i opasnost': analiz predstavleniy ob oskvernennosti i tabu [Purity and Danger. An analysis of the concepts of pollution and taboo]*, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, Moscow, 2000.

[16] M.Yu. Zelenkov, *Pravovyye osnovy obshchey teorii bezopasnosti Rossiyskogo gosudarstva v XXI veke [Legal basis of the general theory of the Russian state security in the XXI century]*, Yuridicheskiy institut MIITa Publ., Moscow, 2002.

[17] D.V. Yefremenko, *Vvedeniye v otsenku tekhniki [Introduction to the evaluation of technology]*, MNEPU Publ., Moscow, 2002.

[18] Ye.T. Matyukh, [“Risk society” theories in modern humanities], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 7 (2012) 33–37.

Aladyshkin Ivan V.

E-mail: i-bez@yandex.ru

Efremov Sergei V.

E-mail: umk-tb@mail.ru

Received 13.07.2017, accepted 7.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017